Он устал. Присел на одну из скал, на камни.

И тут внизу, в предгорной равнине, возникло движение.

Будто вскипело нечто желтое (пыль? жидкость? месиво?), поднялось вверх столбом, буйное, свирепое, и полетело. И повсюду родились желтые завихрения, горы задрожали, будто бы вся планета должна была вот-вот стать пыльной бурей и унестись неизвестно куда. Но горы не раскрошились, планета не изменила направление полета. Лишь бешеные, плотные пылевые облака носились возле скал, на которые взобрался Данилов. «В здешней атмосфере какие могут быть ветры? — думал Данилов.— Стало быть, он. И видит во мне врага. Или ничтожного и случайного нарушителя его спокойствия... Или он сам существует лишь в виде пылевых облаков и ни в каком ином виде не может показаться мне?» Нет, это предположение Данилова оказалось ошибочным, очень скоро в одном из облаков проявилась фигура летящего старца, он был в белом свободном хитоне, яростно дул, вытянув губы, словно желая смести все, что было на его пути, его седые, прямые волосы неслись красиво и мощно, будто их и впрямь направляли воздушные струи.

Данилов встал. Он был взволнован. Он хотел что-то выкрикнуть старцу, но ни слова не смог прошептать. Старец заметил его, то есть он, наверное, и прежде видел Данилова, но теперь он повернул в его сторону. Подлетел к Данилову, резко застыл совсем рядом, Данилов готов был сейчас простонать: «Отец!» — и броситься к старцу, но тот, вцепившись в него взглядом, как бы не разрешал ему сделать ни движения, потом нервно вскинул руки, отшатываясь от Данилова или отгоняя его от себя, и взмыл вверх.

Данилов чуть было не полетел за ним, но старик ничем не показал ему, что желает этого, и Данилов удержался на скале. А старик уже унесся вдаль и стал песчинкой.

«Как он красив,— думал Данилов,— и как ужасен. Он нисколько не похож на меня... Он — из трагедии... А я откуда?.. Но глаза, какие глаза... Он понял, кто перед ним, я чувствую это, и он вобрал меня в себя... В одно мгновение... Однако потом он так странно смотрел...» Старик смотрел не то чтобы странно. Данилову его взгляд показался взглядом безумца.

Данилову не раз намекали, что его отец, кажется, сошел с ума, и [illegible] именно поэтому облегчили участь и разрешили отправиться на пустынную планету вольным поселенцем. Были и иные мнения, Данилов [illegible] верил им. Но теперь глаза старика его ужаснули.

«Я здесь лишний,— думал Данилов.— Он видел меня, я — его, [illegible]. Он мне чужой, и я чужой ему. Он здесь хозяин, но он [illegible] не посчитал нужным ни упрекать меня [illegible], ни сказать хоть о чем-то... Просто [illegible], [illegible]. [illegible]»

[illegible] после этих соображений Данилова старик [illegible]. Он пронесся мимо скалы и, обернувшись, сделал [illegible] движение рукой (или крылом?), [illegible] Данилов понял: «Следуй за мной!» Данилов полетел. Больше старик не оборачивался, по-

шатнулся от него. Потом он своими безумными глазами показал куда-то в небо, ткнул в ту сторону перстом. Сгорбился и пошел прочь.

«Теперь все,— подумал Данилов.— А мы и слова друг другу не сказали... А может, и верно: истина — вне слов?»

43

Хрустальную дверь в Девять Слоев Данилов открыл без труда. Дверь не заперли, капканов на него не поставили. Да и зачем капканы?

Данилов скинул куртку, улегся на кровати. Такой, стало быть, полет. И был ему, Данилову, предложен вариант жизненного устройства. Но понял старик отношение Данилова к его миру. И, поняв, указал сухим перстом... Куда указал? Данилов запросил атлас звездного неба, искал, где находился, потом выяснил, какие звезды можно было видеть с желтой планеты и именно из памятного ущелья. Похоже, старик показывал в сторону Солнечной системы. На Землю. Кабы от него что зависело...

О прошлом отца знания Данилова были смутные. В чем состояли вольные думы отца, отчего его называли вольтерьянцем, выяснить Данилову не удалось. Те времена были далекие. Наказать его в ту пору могли и за одну связь (коли посчитали ее серьезной) с земной женщиной. Но безумен ли он? Тут Данилов, вспоминая острый, мудрый на мгновения взгляд старика, придерживал мысли. Возможно, у него такая манера жить, а возможно... «А ведь он, наверное, доволен,— думал Данилов,— своим миром. Он не просто смотрит забавные картины, он творит. Это интересно, но не для меня. Ведь это не жизнь, а игра, это уже вторичное... что же играть в жизнь, если можно просто жить?..» Вот именно, если можно...

В своих мыслях Данилов почти не называл старика отцом. Так: «старик», «старец»... Не выходило: «отец». Данилов испытывал симпатию и сострадание к старику, но это было одно, а вот ощущение родства с ним у Данилова не возникло. Данилов бранил себя, называл очерствевшим. Однако распалить в себе сыновьих чувств Данилов не мог... Но не зря он побывал на желтой планете, не зря.

«А впрочем, почему бы и не принять игру старика?» — размечтался Данилов. Как хотелось бы Данилову, скажем, оказаться в 1732 году возле лейпцигской Томаскирхе, простодушной, просторной, и увидеть там кантора, и тот, крепкий еще, сорокасемилетний, только что сочинивший «Кофейную кантату», шагнул бы к нему, достав бы из кармана камзола бумаги, и сказал бы: «Вот, Данилов, я посвятил вам концерт для альта, исполните, я прошу вас...»

«Нет, так не надо!» — оборвал мечтания Данилов. Он теперь был сердит. Готов был обвинить своих исследователей и кураторов в волоките и даже в безответственности. Когда же они призовут его к ответу! Хотя бы подумали о пустой трате средств, возмущался Да-

нилов... Был он еще и голоден, а потому решил отправиться в буфет, там наесть и напить на столько, чтобы финансовые службы указали кому следует на недопустимость длительного содержания Данилова в Четвертом Слое Гостеприимства и призвали бы расточителей средств к ответу.

Данилов сел за стол, мысли его были уже заняты составлением программы обеда, желудочный сок выделялся в обилии, и тут появился Уграэль. «Опять этот...» — рассердился Данилов. По лицу Уграэля бродили уши, обтекая нос и глаза.

— Садитесь,— предложил Данилов.

— Что вы заказали? — спросил Уграэль.

— Кажется, тетерева на вертеле,— сказал Данилов.

— А я возьму устрицы...

«А что? — подумал, воодушевляясь, Данилов.— Тетерева — это неплохо. Это хорошо! Но только чтобы были с корочкой и чтобы их обложили маринованными грибами...» В это мгновение Данилова взяли за шиворот (ощущение было, что именно за шиворот, в горло снизу врезался воротник, как петля) и куда-то поволокли. Данилов барахтался в пространстве, задыхаясь и делая нелепые движения руками и ногами, освободиться ему не дали, а чем-то пристукнули, на секунду Данилов потерял сознание. Когда очнулся, понял, что сидит на жестком стуле и пристегнут ремнями к спинке. «Зачем же пристегивать-то!» — возмутился Данилов.

Перед ним были черные стены, и на них, там и тут, стали проступать огненные слова: «Время «Ч»!», «Время «Ч»!», «Время «Ч»!». Слова запрыгали, заплясали, принялись наскакивать на Данилова, увеличиваясь на мгновения и раскаляясь до белого пламени. Потом возник звук, устойчивый, ноющий, и когда он остыл и утих, остыли и пропали огненные слова. Данилов увидел, что стул с ним стоит в высоком зале, похожем на лицейскую аудиторию. Он же, Данилов, находится наверху, как бы на галерке.

Зал был пустой, но очень скоро там, где полагалось выситься кафедре, появилась маленькая фигурка. «Валентин Сергеевич!» — понял Данилов.

Валентин Сергеевич был в том самом пенсне, в каком Данилов увидел его в собрании домовых на Аргуновской улице. Но тогда он носил френч, а теперь надел старенькую толстовку, подпоясал ее шелковым шнуром и опять походил на тихого счетовода районной конторы. В руках Валентина Сергеевича было мусорное ведро, совок и веник. Данилова это удивило. Огненными словами уже обозначили время «Ч», но как будто бы вышла накладка, пол не убрали, и вот перед явлением судей, исследователей и исполнителей был вызван с ведром и веником порученец Валентин Сергеевич. Валентин Сергеевич очень старался. Это на Земле, да и то лишь с Даниловым, он позволял себе дерзить и даже покрикивать, зная, что тот провинившийся. Здесь же Валентин Сергеевич всем своим видом, движениями своими показывал (только кому?), что он личность мизерная и свой шесток знает. Данилову даже стало жалко курьера и подметальщика Валентина Сергеевича. «Эко дос-

Он считал свою судьбу решенной. И не находил сейчас в себе сил сопротивляться чему-либо. Да и не желал ничему сопротивляться.

— Но прежде чем перейти к просмотру, мы хотели бы задать один вопрос Данилову. Нам известно о нем все. Но относительно одной вещи необходимо уточнение. Вы ответите нам?

— Спрашивайте,— обреченно сказал Данилов.

— Вначале послушайте,— предложил (и, видимо, всем) Валентин Сергеевич.

Звуки, какие раздались сразу же после слов Валентина Сергеевича, озадачили Данилова, однако показались ему знакомыми. «Где же я их слышал?» — думал Данилов. И в нем, почти сломленном и сдавшемся, объявилось вдруг предчувствие, что, если он поймет, что это за звуки, ему, возможно, выйдет облегчение. Звуки были нервные, порой растерянные, порой усталые, но иногда в них ощущалась и воля. Некоторые из них жили сами по себе, некоторые выстраивались в неожиданные ряды. Но между всеми этими звуками, и одинокими, самостоятельными, и образующими какие-то фразы, чаще всего скорые, рваные, несомненно, существовала связь. «Это музыка! — решил Данилов.— Музыка!» И дело было даже не в том, что многие звуки произносились земными музыкальными инструментами,— если бы их издавали и несмазанные тележные оси, или крылья ветряной мельницы, или шланги пожарных машин, или пыльные смерчи желтой планеты, то и тогда бы Данилов сказал, что тут музыка. Звуки подчинялись законам и открытиям земной музыки, ему известным. «И ведь я не в первый раз слышу их,— говорил себе Данилов,— не в первый! Это своеобразная музыка, но интересная музыка». Он не мог не отметить, даже и в теперешнем своем состоянии, что качество воспроизведения звука — изумительное. Впрочем, чему тут было удивляться... Внезапно Данилов услышал тему из финала «Рондо» Жанно де Лекюреля, движение трехголосого хора передавала виолончель, но тут же застенчиво вступила в разговор, будто успокаивая тихой надеждой, бамбуковая флейта сякухати, и Данилов чуть было не выскочил из стула, чуть было не оборвал ремни. Он все понял.

Это была его музыка! Его!

«Вот оно что! Вот оно что!» — думал Данилов.

По распоряжению Валентина Сергеевича воспроизводили запись звуков, какими Данилов передавал ход своих мыслей и чувств. Это была его внутренняя музыка. Но всегда эта музыка звучала в нем, именно внутри него. Теперь он впервые стал ее слушателем.

И не из ямы он слушал, а будто бы сидел сейчас в десятом ряду Большого консерваторского зала. Появление темы из финала «Рондо» Жанно де Лекюреля Данилова несколько удивило, в последнее время он стремился к самостоятельности. Впрочем, он не считал, что в использовании темы старого мастера нет ничего дурного, ведь он переосмыслил ее, доверив виолончели, и развил.

«Когда я так думал и чувствовал?» — прикидывал Данилов.

не спускали новой методической разработки относительно пришельцев...

— Все,— сказал Валентин Сергеевич.

— Как все? — не понял Данилов.

— Все. Хватит. Просмотр доказательств закончен. За нами последнее слово.

— Но как же...— не мог остановиться Данилов.

И тут до него дошло. Все. Сейчас объявят приговор. А Кармадона не вспомнили! И потому Наташу не упомянули! Что же ему дальше дразнить судей и лезть на рожон. Ведь возьмут и упомянут. Данилов замолчал.

— Последнее слово,— объявил Валентин Сергеевич.— Материалы дела вы видели. В своих объяснениях Данилов был порой изобретателен и энергичен, слушать его было занятно. Но его слова — одно, а то, что мы знаем о нем,— другое. Я сообщу вам данные специальных исследований.— Валентин Сергеевич принялся называть цифры и нотные знаки, размеры кривых и постоянных, отклонения от фиолетовой горизонтали, степени брутальных импульсов, показания приборов, измеряющих чешуекрылость, инфернальный гипердриблинг и прочее.— Все свидетельствует о том, что теперешние свойства ощущений и намерений Данилова в самых разных критических моментах были человеческие. И музыка его к нам отношения не имеет. Итак, я поддерживаю формулу наказания: демона на договоре Данилова лишить сущности и память о нем вытоптать.

«А сами-то у меня Альбани украли!» — обиженно и жалобно подумал Данилов. Но тут же осадил себя. Это для него кража Альбани была делом непорядочным, но не для них. Да и что теперь вспоминать про Альбани, коли формула выговорена, а с исполнением ее не задержатся. Был ли Данилов, не было ли его... Все. Кончено.

— Настало время выслушать ваши мнения,— объявил Валентин Сергеевич.

Раздалось:

— Лишить!

— Лишить!

— Вытоптать!

«Трое лишить...— слышал Данилов,— четверо... пятеро...» Другие выкрики были не столь решительные. Некоторые даже имели в виду облегчение кары. «Превратить в безумного и отправить на пустую планету!» («Вариант старца, не Нового ли Маргарита это милосердие?» — думал Данилов.) «Лишить сущности, но не убить, а перевести в расхожую мелодию типа «Чижика» или «Ладушек», но современнее их и пустить в мир!» («Ужас какой! — содрогнулся Данилов.— Ведь могут превратить и в «Лютики»! Лучше лишить и вытоптать. Пусть сейчас же и лишают... Но дали бы мне хоть на полчаса инструмент на прощанье!..»)

— Все. Выговорено,— сказал Валентин Сергеевич.— Большинство: лишить.

— Что же ты теперь даешь мне советы?

— Во всяком случае не из-за воспоминаний юности.

Ударили по рельсу. Вряд ли по рельсу. Но звук напомнил Данилову рельс. Данилов не успел отойти от барьера, не сделал он и ни единого движения, а ремни уже прижали его к спинке стула. И опять Данилов оказался в судебном зале. Но зал преобразился. На лицейскую аудиторию он уже не походил, а имел сцену, оркестровую яму, небольшую, какие устраивали в драматических театрах в прошлом веке, был здесь и партер, там стояли светлые кресла, обтянутые розовым шелком. В зале был полумрак, но привычный, земной. Электрический синий свет, нервировавший Данилова, иссяк.

Стул с Даниловым воздвигся на сцене в том месте, где полагалось быть суфлерской будке. Вращений, полетов и карусели как будто бы пока не ожидалось. А внизу, в партере, сидели участники разбирательства. Словно художественный совет. Или приемная комиссия. О чем-то перешептывались.

«Кончилось повременение,— думал Данилов.— Но зачем подходил ко мне Новый Маргарит? Из желания проявить себя либералом и независимым? Вот, мол, и это могу. Тем более что сказал: «Лишить!» Но до него был Малибан, и его интересовал Настасьинский переулок. Может, на самом деле, это «повременить» что-то изменило? Неужели Большой Бык? Был в глазах Нового Маргарита какой-то намек... И мне он советовал не выходить из роли...» Из какой роли, Данилов знал. Он ее себе не придумывал. Все вышло само собой. И для Данилова неожиданно.

— Решение судьбы демона на договоре Данилова продолжается,— объявил Валентин Сергеевич.

— Есть ли что сообщить самому Данилову? — сказал заместитель Валентина Сергеевича по Соблюдению Правил.— Есть ли у него раскаяние?

— Ни с какими раскаяниями я выступать не буду,— резко сказал Данилов.— Не в чем мне каяться.

— Ой ли? — спросил Новый Маргарит.

— Не в чем...— сказал Данилов менее решительно.

— Вы очень легкомысленный, Данилов,— заметил заместитель.

— Вот-вот, легкомысленный! — словно бы обрадовался Новый Маргарит этому слову, и в особенности тому, что не он первый его произнес.— И раньше ведь не случайно здесь прозвучало слово [illegible].

— Это было [illegible],— сказал Валентин Сергеевич.

— [illegible],— не уступал Новый Маргарит. Он глядел на Данилова с выражением, как будто что-то подсказывал ему.

— [illegible],— хмуро сказал Данилов.

— Вот! — воскликнул Новый Маргарит.— Данилов чрезвычайно легкомысленный. Стиль его жизни и работы в последние годы, его теперешнее поведение подтверждают то, что мы имеем дело с ни-

дивидуумом, который стал поддаваться людским соблазнам, стал жить, как люди, не по каким-либо серьезным умственным или тем более — программным соображениям, а по легкомыслию, по душевному фанфаронству!

— Нам радоваться, что ли, что по легкомыслию? — сказал заместитель по Соблюдению Правил.— Какой нам на Земле от Данилова прок? Если Данилов и причинял вред, то людям, кому, по нашим понятиям, требовалась бы от него поддержка. А польза? Вот справка, в ней все анализы занятий Данилова. Это вполне квалифицированная оценка его полезности.

Копии справки в виде брошюр были розданы участникам разбирательства, зашелестели страницы. Брошюра возникла и перед глазами Данилова, листочки ее поворачивались сами, на весу, давая Данилову возможность познакомиться с документом.

— Много здесь истолковано неверно,— сказал Данилов.— Искажены показатели. Надо создать комиссию.

Валентин Сергеевич только руками развел.

— И опять здесь возникла старушка,— сказал Данилов,— которую я переводил через улицу. Долго меня будут преследовать этой старушкой?

Держал бы он копию справки в руках, он, наверное, сейчас в сердцах швырнул бы ее на пол.

— В комиссиях нет необходимости,— сказал Валентин Сергеевич.— Их было достаточно. Что же касается комедии, какую ломает Данилов, то она не делает чести его уму.

— Да какой у него ум! — вступил Новый Маргарит.— Он всегда был вертопрахом. И в детстве, и в лицейские годы. И я еще раз хочу подчеркнуть, что то, что с ним произошло, это не бунт и не измена, а просто легкомыслие и безответственность.

— Это меняет дело? — спросил Валентин Сергеевич.

— Меняет,— сказал Новый Маргарит.

— Вы были за: «Лишить!»

— Да. Был! — сказал Новый Маргарит.— Теперь считаю целесообразным принять иное решение. Данилова надо наказать, но отказываться от него не следует.

— Но зачем нам Данилов? — возмутился заместитель.

— Разрешите мне,— встал Малибан.— Раньше я не знал Данилова, но теперь суть его мне ясна. Я ее понимаю несколько иначе, нежели наш коллега (кивок в сторону Нового Маргарита), но [illegible]. И такой Данилов, какой он нынче есть, может оказаться для нас полезным. Вчера от него не было прока, сейчас прока нет, а завтра прок будет. [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

менил своей сущности и ради того, чтобы уцелеть, отверг все свое, дорогое? Нет, полагал Данилов, ничему он не изменил и ничего не отверг. Он хотел дать всем своим словам объяснения, чтобы с этими объяснениями жить дальше.

Каким мог быть исход разбирательства? Либо его гибель. Либо сохранение его демоном. И никакого Данилова — человека. Были еще возможности: превратить его в расхожую мелодию, лишить разума и поселить на пустынной планете и так далее, но все они виделись Данилову оттенками первого исхода.

Данилов был готов и к первому исходу. Сколько раз он говорил мысленно: «Нате, жрите!» Порой он представлял себя мучеником и чуть ли не умилялся будущему мученичеству. Но что толку было бы в его мученичестве? Конечно, он не изменил бы себе, одно это много значило. Но можно было и по-иному не изменить. А так он погиб бы, тихо исчез, и все, никто бы не узнал, почему он погиб и ради чего. Однако в начале разбирательства Данилов был согласен и с тихим исчезновением. Он торопил судей: «Скорее, скорее, что же тянете!» Но потом он вновь ощутил себя Музыкантом. Чем он был хуже тех, кто судил его? Каким таким особенным пониманием смысла существования своего собственного и, скажем, смысла существования людей обладали они, чтобы иметь право выносить приговоры и определять, что хорошо и что плохо? Нет, теперь Данилов не желал признавать за ними такое право. Он получил жизнь и получил право на эту жизнь не менее, а куда, по его понятиям, более значительное, нежели присвоенное ими право судить других и направлять чужие жизни. Вот он и взъерепенился, и пошел на Валентина Сергеевича и на его заместителя чуть ли не в атаку. Он не желал, чтобы они взяли над ним верх. Он, на словах, ставил под сомнение справедливость их оценок и выводов, пользуясь их же логикой и их правилами игры. Да, и он играл, хотя и не лицедействовал. Все шло само собой. Он им дерзил, стараясь дурачить их, и они, судя по первому приговору, поняли это. Впрочем, может, некоторые и не поняли. Или же им понравилось, как он держался. Они, по ощущению Данилова, с облегчением приняли «повременить».

Конечно, это «повременить» и решило ход дела. Но, может быть, то, как он вел себя, и вызвало «повременить»?

«Не мог я дать им одолеть себя! Я должен был вернуться на Землю!» — думал теперь Данилов. Думал как бы между прочим, словно в чем-то уговаривая себя. Словно там без него действительно могли быть беды, или даже гибель чего-то. В первую очередь его музыки. Нет, он был обязан жить и присутствовать на Земле. У них — свое, у него — свое. Потому он и сопротивлялся. Как мог сопротивляться в нынешних обстоятельствах.

Поначалу, после разбирательства, его несколько смущало то, что он чуть ли не обрадовался, услышав условие: «Никакого Данилова — человека!» Но он успокоил себя. В нынешнем будущем, Данилов понимал это, и при благоприятных условиях он вряд ли стал бы добиваться разрыва с Девятью Слоями и про-